

Чибисов Б. И.

**Этнический состав сельского населения Шелонской,
Деревской и Бежецкой пятин в конце XV в.**

Исследователи неоднократно подчеркивали полиэтничность населения средневековой Новгородской земли. Однако если её ранняя этническая история основательно изучена историками и археологами, то период XV в. привлекал внимание ученых главным образом в социально-экономическом ключе. Это связано с тем, что концом XV в. датируется ценный источник – новгородские писцовые книги. Хотя ценность писцовых книг с точки зрения социально-экономической точки зрения не подлежит сомнению, содержащийся в них антропонимический и топонимический материал пока недооценен. Рассмотрение этого материала дает возможность пролить свет на этническую историю Новгородской земли.

Особенно важно обратить внимание на этнический состав населения тех новгородских территорий, которые не являются регионами исторического проживания прибалтийско-финских народов. Среди таких территорий – Шелонская, Деревская и Бежецкая пятины. Представляется интересным вопрос об этнической и региональной «однородности» проживавшего там населения.

Особое место в комплексе новгородских источников XV в. занимают писцовые книги – кадастры, систематизированные по административно-территориальному принципу (т. е. по пятинам) и созданные с целью государственного учёта земельных владений, а также проживающего на них податного и неподатного населения. Писцовые работы в Деревской пятине начались в 7004 (1495/96) г. Пятину описывали Прокофий Зиновьевич Скурат и Петр Борисов сын Волк¹. Одновременно в Деревской пятине описывались некоторые оброчные земли, писцами которых были Семен Дятлов и Матвей Валувев. Писцовая книга великокняжеских, церковных, помещичьих и своеземческих земель сохранилась довольно хорошо, с утратами, которые можно назвать незначительными. Книга опубликована в первых двух томах издания Археографической комиссии под редакцией П. И. Савvaitова².

Шелонскую пятину описывал Матвей Иванович Валувев, происходивший из боярского рода. Произведенное им описание имеет дату 7006 (1497/98) г. Описание части дворцовых земель той же пятины, заново сделанное М. И. Валувевым, датировано 7007 (1498/99) г. Писцовая книга великокняжеских, церковных, помещичьих и земецких земель опубликована в IV и V томах НПК³.

¹ Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПKNЗ). Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. М., 1999. С. 8.

² Новгородские писцовые книги (далее – НПК). Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина. СПб., 1859; НПК. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Вторая половина. СПб., 1862.

³ НПК. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886; НПК. Т. 5: Книги Шелонской пятины. СПб., 1905.

В 7007 (1498/99) г. была описана Бежецкая пятина. Руководил описанием Василий Григорьевич Наумов. Произведенное им описание Бежецкой пятины датировано 7007 (1498/99) г⁴. Книга сохранилась в отрывках, которые не содержат и половины объема описания пятины. При издании книга дворцовых земель получила ошибочную дату 1501 г., которая основывается на дате присылки книги в Новгород. Сама книга дворцовых земель составлена ранее⁵. На это обратила внимание Р. Г. Петрова, опубликовавшая по другому списку продолжение дворцовой книги⁶. В ПКНЗ были опубликованы фрагменты писцовой книги Бежецкой пятины великокняжеских, церковных, помещичьих и земецких земель, в выдержках опубликованные Д. Я. Самоквасовым⁷.

Надежность этноисторических исследований, построенных исключительно на основе анализа ономастиконов писцовых книг, воспринимается некоторыми учеными скептически по ряду причин. Во-первых, фиксации в писцовых книгах подлежало далеко не все население, а только непосредственные налогоплательщики, владельцы дворов и иных облагаемых налогом объектов (сенокосов, промысловых угодий). Во-вторых, основным средством идентификации налогоплательщика в писцовой книге было указание его имени собственного (личного имени, отчества / патронима и, возможно, прозвища) и места жительства, а не его этнической принадлежности. В этом случае важно привлекать не отдельные данные ономастики, а их комплекс.

Западную и юго-западную часть Новгородской земли занимала Шелонская пятина. Одна из групп внутри населения Шелонской пятины – носители прозвища *Вошко* / *Вожко* (т. е. *вожанин*). Такое значение прозвища следует не только из его бытования в Водской пятине. В грамоте архиепископа Макария от 1534 г. говорится о языческих традициях «въ Чюди, и въ Ижере, и въ Вошкехъ». Архиепископ Феодосий написал в 1548 г. аналогичную грамоту «въ Чудь, и въ Ижеру, и въ Вошки»⁸. За термином *Вошки* можно видеть этническую группу – воль. Среди неславянских антропонимов, встречающихся в описаниях погостов Шелонской пятины, прозвище *Вожко* и патроним *Вожков* фиксируется особенно часто. Прозвище *Вожко* встречается в деревнях Шелонской пятины 7 раз: в Новгородском уезде были записаны *Никитка Вожко* (деревня Буино Турского погоста), *Куземка Вожко* (деревня Забродье Меньшее Лукинского погоста), *Селиванко Вожко* (село Троицкое Лукинского погоста), *Купро Вожко* (деревня Железное Которского погоста), *Филат Вожко* (деревня Любонега Ильменского погоста, великокняжеская волость Лари) и *Ивашко Вожко* (сельцо Вержица Коростынского погоста). В деревне Золотово Черенчицкого погоста Русского уезда был записан *Фофанко Вожко*. Патроним *Вожков* / *Вошков* встречается в Турском (деревня Дуброва, *Демид Вошков*) и Березском (непашенный человек *Вош-*

⁴ НПК. Т. 6: Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910.

⁵ ПКНЗ. Т. 1. С. 20.

⁶ Петрова Р. Г. Отрывок из Писцовой книги конца XV в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1979. М., 1980. С. 238–275.

⁷ ПКНЗ. Т. 1. С. 145–239.

⁸ Грамота Новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. Стб. 29; Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Водскую пятину // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. Стб. 57.

ков Алексей) погостах Новгородского уезда, а также в Околорусье (своеземец Сергей Демидов Вошков)⁹. Итак, прозвища, косвенно указывающие на воду, и прибалтийско-финские патронимы преобладают в Новгородском уезде Шелонской пятины.

Кореляне зафиксированы писцами в двух располагавшихся рядом погостах Порховского уезда – Дубровенском (деревня Заречье, Юрка Корелянин) и Ручьевском погостах (починок Богово, Ивашко Корелянин), а также в Васильевском погосте Новгородского уезда (деревня Горка, Ермак Корелянин). Существует точка зрения, согласно которой прозвище Корелянин имело территориальный, а не этнический оттенок¹⁰. Строгое разделение территориального и этнического значения здесь вряд ли обоснованно. Видимо, Корелянин – это адаптированное в древнерусском языке оригинальное этническое название *Karjalaine*¹¹. В писцовых книгах и актах встречаются носители прозвища Корелянин, имеющие исключительно календарные имена в славянской форме. Есть единственный случай, когда Корелянин имел календарное имя в прибалтийско-финской форме – это Олфуй Юрьев Корелянин. Олфуй в 50–60-х гг. XV в. владел землей в «Корельской земли, промежю пятью родъ корельскихъ детеи»¹². К какому именно роду относился Олфуй – неизвестно, но, очевидно, он был карелом. Важно также отметить, что Корельский уезд Водской пятины имел значительный антропонимический и топонимический пласт прибалтийско-финского происхождения, что свидетельствует об освоении данной территории карелами. Об этом же говорят данные археологических исследований Корельской земли и Корельского уезда в период XI–XV вв.¹³ Всё это позволяет видеть в Корелянах не только мигрантов из Корельского уезда, но и представителей прибалтийско-финского этноса – карелов.

Дважды зафиксированы Чудины – Ивашко Чудин (деревня Заборовье Болчинского погоста) и Сидор Чудин (сельцо Горки Коростынского погоста). В Новгородской земле география прозвища Чудин такова: это Сойкинский полуостров, район городов Ямы и Копорья, долина реки Систы, на нижней Луге и в верховьях реки Вальи. Именно на этих территориях концентрировалась прибалтийско-финская антропонимия и ойконимия; там же выявлены комплексы захоронений с водскими предметами¹⁴. Таким образом, в Чудинах можно усматривать представителей воды.

Ижерянин отмечен единственный раз – в Дремятцком погосте Новгородского уезда (деревня Стороннее, Яшко Ижерянин)¹⁵. Прозвище Ижерянин было наиболее распространенным в Ижорском, Дудоровском и Ярвосольском

⁹ НПК. Т. 4. Стб. 64, 68, 122; Там же. Т. 5. Стб. 169, 222, 297, 298, 305, 409.

¹⁰ См.: Попов А. И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.

¹¹ Соболев А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 50.

¹² ГВНП. М.; Л., 1949. С. 299.

¹³ См.: Кочуркина С. И. Карельские земли в XII–XV вв. // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 168–172; Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.

¹⁴ Конькова О. И. Водь: Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 38; Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований, 1971–1991 гг.). СПб., 2001. С. 71–74

¹⁵ НПК. Т. 4. Стб. 133, 159, 200, 214; НПК. Т. 5. Стб. 297, 410.

погостах Водской пятины – они составляли анклав неславянской антропонимии и ойконимии, а также ижорских древностей¹⁶. В этом случае есть основания считать *Ижерян* представителями ижоры.

Присутствие прибалто-финнов на территории Шелонской пятины косвенно подтверждает ойконимия. В Сумерском погосте Новгородского уезда зафиксированы названия помещичьих деревень, образованные от этнонима *чудь* – *Чюдская гора* (3), *Чудиново* и *Чюдка*¹⁷. Именно в Сумерском погосте записано наибольшее число деэтнонимичных названий, причём все они происходят от этнонима *чудь* и прозвища *Чудин*. Южнее, в Быстреевском погосте, записаны деревни *Чудково* и *Игаево*. Второй ойконим, вероятно, был образован от древнего прибалтийско-финского имени *Iha*. К юго-востоку находился Турский погост, где отмечается деревня *Чудско*. В Дретонском погосте была записана деревня *Чухново*, название которой было образовано от прозвища *Чухно*, т. е. *Чудин*. Скопление «чудских» ойконимов наблюдается в северной части Шелонской пятины, на границе Сумерского погоста с Никольским Ястребинским погостом Копорского уезда Водской пятины. В свою очередь, с Ястребинским погостом граничили Ямское околородье и Ополецкий погост «в чуди», где писцовые книги зафиксировали прибалтийско-финскую антропонимию. Это позволяет думать, что северная часть Шелонской пятины включала в себя часть территорий, где проживала «чудь» и иные прибалтийско-финские этносы. Стоит также заметить, что граница Шелонской и Водской пятин была чисто географической, а не этнической, и проходила по реке Луге. Этнический состав населения вряд ли учитывался при определении пограничья пятин. Таким образом, среди основателей / жителей деревень с названиями, производными от этнонима *чудь* или прозвища *Чудин*, вполне могли находиться представители «чуди» или, по крайней мере, выходцы из «чудских» погостов.

Единичны названия поселений, образованные от прибалтийско-финских имен. Среди них – ойконим *Волбола Гора* в Хмерском погосте и *Вильяка* в Карачунском погосте. Первый ойконим имел прибалтийско-финский *-l*-овый формант, указывающий на связь топонима с человеком. В этом случае интересно замечание А. М. Андрияшева, что существовал ойконим *Волбова Гора*, имевший очевидные славянские черты¹⁸. Название деревни *Вильяка* также является деантропонимным прибалтийско-финским ойконимом. Писцовая книга Водской пятины неоднократно сообщает о носителях имени *Вильяк* / *Вильят* / *Вильяч*. Они записаны в Каргальском (5 человек), Толдожском (2 человека) и Дудоровском погостах (1 человек), которые были территорией компактного проживания прибалтийских финнов.

Отдельную группу ойконимов составляли наименования, связанные с водью. В Щирском погосте находилась деревня *Вотцкое*. Существовал целый ряд ойконимов *Вошково*, отмеченных в погосте Медведь, Околорусье, Заверяжье, Дретонском, Опотцком и Дубровенском погостах. Единичные ойконимы связаны с неславянскими этносами и другими регионами Новгородской земли: деревня

¹⁶ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. СПб., 1997. С. 74; Конькова О. И. Ижора: Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 41.

¹⁷ НПК. Т. 5. Стб. 138, 140, 149.

¹⁸ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914. С. 64.

Корелово (Бельский погост), селище *Изори* (Поозерье), деревня *Мамаево* (Около-русье). Последний ойконим имел тюркские антропонимические корни¹⁹.

В случае предполагаемой миграции прибалто-финнов на территорию Шелонской пятины основным путем сообщения здесь была Ивангородская дорога. Самые ранние сведения о Водском пути, или Ивангородской дороге, относятся к концу XIV – началу XV в. Водская дорога – это более позднее наименование Ивангородской дороги, восходящее к XVI в. Данное название встречалось в районах, расположенных близко от Великого Новгорода. Это коррелирует с проживанием носителей прозвища *Вожко / Вошко* в Новгородском уезде вдоль этой дороги.

Среди условно «западных» прозвищ можно выделить антропонимы *Ляшко / Лятчко, Пан, Литвин / Литвинов. Гридка Пан* – крестьянин Буряжского погоста; возможно, он был выходцем из Польши, Литвы или русских земель в составе Великого княжества Литовского²⁰. В сельце Юровичи Поозерья в Новгородском уезде записан *Петрушка Лятчко*. Он был «человеком» помещика Андрея Фёдорова и проживал в «большом дворе» сельца, т. е. вместе с помещиком. В Петровском погосте Новгородского уезда проживала помещица *Мария, супруга Ивана Литвинова*, который, возможно, был сам выходцем из Литвы, либо его отец был таковым²¹. Записаны также 2 деревни с названием *Литвиново* – в Турском и Дретонском погостах, т. е. в южной части пятины. Дретонский погост находился на Смоленской дороге, ведущей в Русу и затем в Новгород.

Особая группа этнотопонимов – названия *Прусы / Прусское*, которые зафиксированы в Быстреевском, Хмерском и Карачунском погостах. Исторические названия сохранились в современных деревнях *Прусси* близ районного центра Плюсса и *Пруссы* к югу от Порхова. Причин появления данного ойконима может быть несколько: во-первых, в Великом Новгороде известна Прусская улица. Впервые она упомянута в летописи в связи с голодом 1230 г.²² Ранее, под 1215, 1219 и 1220 гг. упомянуты *прусы* – жители Прусской улицы²³. Историки активно обращались к изучению названия Прусской улицы, сопоставляя его с наименованием западнобалтийского народа *прусы*. Впрочем, конкретно-исторические факторы появления прусов в Великом Новгороде дискусионны²⁴. Таким образом, можно допустить, что ойконимы *Прусы / Прусово* могли быть связаны с жителями Прусской улицы в Великом Новгороде. Во-вторых, существовало личное имя *Прус* деэтнонимного происхождения. Новгородская берестяная грамота № 439 (1190–1200-е гг.) сообщает, вероятно, о купце по имени *Прус*. Грамота № 38 из Старой Руссы (1150–1180-е гг.) упоминает *Прусову*,

¹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987. Т. 2. С. 565.

²⁰ Пан // Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 143.

²¹ НПК. Т. 4. Стб. 7, 29; Там же. Т. 5. Стб. 26.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 70.

²³ Там же. С. 54, 58, 60.

²⁴ См.: *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX – XV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 101–103; *Аничков И. В.* Историческое значение названия Прусской улицы для Новгорода Великого. Новгород, 1916. С. 6; *Антонович Е.* «Прусы» в топонимике Северной Польши и Новгородской Руси // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 258–259; *Кулаков В. И.* Пруссы и восточные славяне // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 37–39.

т.е. жену *Пруса*²⁵. Таким образом, личное имя *Прус* было известно в Новгородской земле. Вполне возможно, что ойконимы *Прус* / *Прусово* были образованы от личного имени, лишь косвенно связанного с прусским этносом.

Деревская пятина занимала юго-восточную часть Новгородской земли и имела четкие границы по рекам Мсте и Ловати и озеру Ильмень. Она граничила на западе с Шелонской, на севере с Обонежской, на востоке с Бежецкой пятнами, а на юге – с волостями Торжка и Ржевы. Писцовая книга Деревской пятины 1495 / 1496 г. сохранила единичные прибалтийско-финские имена и различные отэтнонимические прозвища. Прибалтийско-финские имена зафиксированы здесь преимущественно в виде патронимов. Среди их носителей – только крестьяне Деревской пятины, проживавшие в различных ее частях. В деревне Данилово волости Пирос упоминаются *Гридька Пакуев* и *Офромейко Пикуев*, в деревне Ляпышево Бельского погоста проживал *Никоник Хонен*, в деревне Онтушово того же погоста проживал *Епимашко Пикал* (возможно, от *rikki* – маленький), в деревне Лентеево Нерецкого погоста записан *Митрофаник Рукулкин*. Эти области находились на северо-востоке и востоке Деревской пятины. Возможно, происходила миграция прибалто-финнов из Водской пятины и Обонежья по Бельской, Дубецкой и большой Московской дорогам²⁶. Волость Пирос до земельных конфискаций была в собственности Новгородского архиепископа, но затем перешла в разряд дворцовых земель²⁷. Экономическое положение крестьян дворцовых земель было более выгодным, что могло быть фактором миграции на эти земли²⁸. На юго-западе Деревской пятины, в Холмском погосте, проживал *Тойват Ряданов*. О его вероятном прибалтийско-финском происхождении свидетельствует некалендарное имя *Toivottu*.

На юго-востоке пятины, в деревне *Елник* Михайловского погоста, расположенного на большой Московской дороге, упоминается *Ивашко Чудин* – это единственное упоминание о *Чудинах* в Деревской пятине. Носители прозвища *Вожско* / *Вошко* встречаются в описании пятины несколько чаще. К юго-востоку от озера Ильмень располагался Влажинский погост, где в деревне Мясница был записан *Софронко Вожско*. В деревне Яблоново Борковского погоста отмечен «непашенный человек» *Сидко Вожско*. Наконец, в волости Морева на юго-западе Деревской пятины зафиксирован крестьянин *Ондрейко Вожско*. Присутствие вожан в этих местах, во-первых, выстраивается в единую линию – от озера Ильмень до волости Морева; во-вторых, эта линия с незначительными отклонениями соотносится с ключевыми дорогами Деревской пятины: от Великого Новгорода вдоль восточного побережья озера Ильмень к Влажинскому и Борковскому погосту с дальнейшим выходом на Смоленскую дорогу. Этот путь миграции был более удобен для выходцев из Водской пятины – с северо-запада на юго-восток по Водской дороге, затем, огибая Ильмень, к погостам Деревской пятины.

В деревне Ожегово Нерецкого погоста, расположенного на большой Московской дороге, записан крестьянин по имени *Моравин*. Прозвище и присутствие

²⁵ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 436, 456.

²⁶ *Фролов А. А.* Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородом Великим и Северо-Восточной Русью) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы конференции. Новгород, 1998. С. 81.

²⁷ ПКНЗ. Т. 1. С. 30.

²⁸ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 124.

этого человека на «стратегической» дороге Новгородской земли косвенно указывают на то, что он, возможно, являлся мигрантом: нельзя исключить то, что *Моравин* был выходцем из западославянских земель или волости Морева. Этнические прозвища Деревской пятины представлены также антропонимами *Литвин* и *Немчин*. *Пахомко Литвин* отмечен в Молвятицком погосте недалеко от Смоленской дороги. К юго-западу от Молвятицкого погоста находилась волость Велилы, где в погосте проживал *Ивашко Литвинко*. Относительно его статуса можно заметить, что он перечислен среди 6 других крестьян, с которых «дохода нет», т.е. он не платил налогов, следовательно, его проживание в Велилах могло быть временным. Близость мест их поселения к юго-западной границе Деревской пятины и Смоленской дороге позволяет предположить, что *Литвины* были мигрантами из Великого княжества Литовского. Дважды в Деревской пятине в помещичьих деревнях встречаются носители прозвища *Немчин*. Первый отмечен в Устьволомском погосте на севере пятины, который располагался недалеко от Великого Новгорода на Бельской дороге. Второй проживал на юго-западе Деревской пятины в Курском погосте, расположенном вдоль Смоленской дороги.

Тюркские антропонимы в писцовой книге Деревской пятины также единичны. В волости Велилы, на юго-западе Деревской пятины, помещик по имени *Измалко* проживал в одном дворе со своим «дворовым человеком» *Мурзой*. Помещик и его дворовый человек проживали на «большом дворе»;²⁹ их личные имена косвенно свидетельствуют в пользу того, что они были одной этнической принадлежности, возможно – татарами. В Михайловском погосте в числе помещиков упоминается *Ондрейко Татарин*, а помещик *Степан Татаров* владел деревнями в Листовском и Локотском погостах. Среди крестьян Городенского погоста числился *Якуш Татарин*. Все перечисленные здесь носители прозвищ *Татарин* / *Татаров* проживали и / или владели деревнями в погостах, расположенных по большой Московской дороге. Вполне вероятно, что прозвище *Татарин* указывало на этническую принадлежность его носителя.

В летописных текстах неоднократно встречаются носители прозвища *Татарин*, причем личные имена имеют тюркское происхождение: *Амурат Татарин*, *Ачисан Татарин*, *Кирей Кривой Татарин*, *Товрул Татарин*, князь *Тювеш Татарин*³⁰. Если в летописях говорится о некрещеных татарах, то писцовые книги упоминают по преимуществу крещеных татар. Они не только носили христианские имена, но и входили в социально-политическую систему Новгородской земли: владели землей / дворами и являлись налогоплательщиками.

В волости Пирос, находившейся у большой Московской дороги, на дворовых землях проживал *Левоник Армян* с сыновьями. Н. Д. Чечулин указывал, что этническое прозвище *Армян* относилось только к служилым людям³¹, хотя, как показывает этот факт, носителем его мог быть и крестьянин. Антропоним *Левоник* встречается также при описании Молвятицкого погоста, где деревней Озерца владел *Левоник Федков*.

Среди жителей Деревской пятины упоминается ряд людей с топонимическими прозвищами. Наиболее многочисленны носители прозвища *Тверитин*,

²⁹ Аграрная история... С. 136.

³⁰ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 460; ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007. С. 60, 194, 224, 235.

³¹ Чечулин Н. Д. Личные имена в писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах. СПб., 1890. С. 8.

связанного с Тверью и Тверской землей: это крестьяне *Дмитрок Тверитин*, *Сенка Тверитин* (Локотской погост), *Михал Тверитин* (Яжелбицкий погост) и *Федко Тверитин* из Наволоцкого погоста. *Парфенко Тверитин* проживал в городке Курско³². С Бежецким Верхом и Бежецкой пятиной связано прозвище *Бежичанин*. Оно отмечается у жителей Островского (*Илейка Бежичанин*, *Микифорко Бежичанин*) и Еглинского (*Степанко Бежичанин*) погостов, а также городка Курско (*Ефремко Бежичанин*)³³. *Новоторжане* упоминаются дважды: в городе Деман (*Калинка Новоторжанин*) и Бельском погосте (*Филиппко Новоторжанин*). В Жабенском погосте проживал *Матвей Новоторжец*³⁴. Прозвища *Новоторжанин* и *Новоторжец* являются производными от топонима *Новый Торг*. Вероятно, приведенные топонимические прозвища показывают, где ранее проживали их носители.

Перепись Деревской пятины зафиксировала различные ойконимы, образованные от деэтнонимичных прозвищ. Наиболее многочисленную группу таких ойконимов составляют названия *Литвиново* / *Литвиново*. Ойконим *Литвиново* зафиксирован единственный раз в великокняжеской волости рядом с городком Деман. Деревень с названием *Литвиново* насчитывается в Деревской пятине 11: они находились в Локотском (3), Яжелбицком (2), Пиросском, Нерецком, Сеглинском, Жабенском, Семеновском и Полищском погостах. Надо полагать, антропоним *Литвин* и ойконим *Литвиново* в Деревской пятине отражали реальные взаимоотношения Руси и Великого княжества Литовского. Известно, что городок Демон Деревской пятины был передан в 1482 г. во владение князю Федору Ивановичу Бельскому, который «прибежалъ из Литвы к великому князю Ивану Васильевичу от короля Казимера... а жены с собою не поспел взяти. И князь великы его пожаловаль, далъ емоу городъ Демонъ в вотчиноу да Мореву и с многими волостьми»³⁵.

Несколько меньше ойконимов, образованных от этнонима и антропонима *Лях*: *Ляхино* (Пиросский погост), *Ляховичи* (Черенчицкий погост и Велилы), *Ляховицы* (Велилы), *Ляшково* (Шегринский погост). В Велилах находились также *Ляховицкий десяток*. Все указанные деревни располагались преимущественно в восточной части Деревской пятины, между большой Московской и Дубецкой дорогами.

Фиксируются немногочисленные названия поселений, образованные от прозвищ, косвенно связанных с тюрками. Это деревни *Казарка* (Наволоцкий погост), *Татарина* (Великопорожский (2) и Оксоцкий погосты), *Татарское* (Бельский погост), *Татарщина* (Молвятицкий погост). Эти деревни находились на границе Деревской и Бежецкой пятин, фактически вдоль Бельской и Дубецкой дорог. Самая немногочисленная группа ойконимов – названия *Чудинково* / *Чудиново*. Они фиксируются в Холмском, Посонском и Бологовском погостах, то есть в южной и юго-западной части Деревской пятины.

Таким образом, материалы писцовой книги Деревской пятины содержат немногочисленные неславянские антропонимы. Патронимов и ойконимов, образованных от этнических прозвищ, значительно больше. Однако и эта информация существенна: так, подавляющее большинство носителей деэтнонимиче-

³² НПК. Т. 1. Стб. 840; Там же. Т. 2. Стб. 33, 97, 452, 683.

³³ НПК. Т. 1. Стб. 870; Там же. Т. 2. Стб. 100, 106, 645.

³⁴ НПК. Т. 1. Стб. 613; Там же. Т. 2. Стб. 424, 516.

³⁵ ПСРЛ. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994. С. 162.

ских прозвищ проживало в погостах и волостях, расположенных в непосредственной близости от важнейших дорог Новгородской земли. В Деревской пятине такими дорогами были большая Московская, Бельская, Дубецкая и Смоленская. Рядом с крупными дорогами располагались и деревни, названия которых образованы от этнических прозвищ.

Бежецкая пятина занимала восточную часть Новгородской земли. Фиксация населения была проведена здесь таким образом, что записывались в основном лишь личные имена, прозвищ практически нет. Можно отметить два случая, когда писцовая книга сообщает «этнические» прозвища человека. Так, в Богородицком погосте упоминаются деревни помещика *Матюка Литвинова*, а в Ивановском – *Матюка Семенова сына Литвинова*³⁶. Можно предположить, что это был один и тот же человек. Прибалтийско-финских имен в ранней писцовой книге Бежецкой пятины не содержится, хотя известно, что с северо-запада пятинна граничила с Обонежской пятиной от места впадения реки Мды в Мсту до верховьев реки Колпи, что создавало предпосылки для миграции из Обонежья. Однако плохая сохранность источника и ограниченные данные антропонимии не позволяют сделать однозначных выводов. Можно встретить два ойконима, косвенно связанных с прибалто-финнами. Это деревни *Вошково* и *Кукуево* волости Белой Никольского погоста в Шереховичах. Оба ойконима, видимо, были образованы от антропонимов *Вошко / Вошков* и *Кукуй / Кукуев* соответственно. Антропоним *Кукуй* имеет прибалтийско-финское происхождение (*kukko* – петух) и отмечен в карельской, финской и вепсской системах именований³⁷. Расположение Никольского погоста на границе с Обонежской пятиной позволяет предположить, что в Бежецкой пятине, особенно в ее северной части, проживали вепсы. Однако ойконимия, в отличие от антропонимии, не позволяет уточнить время этого проживания. В писцовой книге 1545 г. упоминается погост Егорьевский в «Чудинах», расположенный на северо-западе Бежецкой пятины. Писцовые книги Бежецкой пятины середины XVI в. содержат такие тюркские антропонимы, как *Бахтеяр* (1), *Булгак* (4), *Казарин* (1), *Курбатко* (1), *Мурза* (3), *Татарин* (1), *Ушак* (12), *Чубар* (1) – их носителями были крестьяне. Встречаются и помещичьи антропонимы – *Баскаков* (7), *Муратов* (2), *Татарин* (7), *Черкасской* (1) / *Черкасов* (4). К сожалению, такой информации нет по концу XV в.

Таким образом, население Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин было по преимуществу славянским, о чем говорит преобладание в этих частях Новгородской земли антропонимии и ойконимии славянского происхождения. В северных районах Шелонской и Бежецкой пятин прослеживается скопление прибалтийско-финской ойконимии. Можно предположить, что это связано с присутствием водского элемента на севере Шелонской пятины и вепсского – в Бежецкой пятине.

Источники и литература

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л.: Наука, 1971.
2. *Андряшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914.

³⁶ НПК. Т. 6. Стб. 20–21; ПКНЗ. Т. 1. С. 234.

³⁷ *Юршунова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. С. 284.

3. Грамота Новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. Стб. 27–30.
4. Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Водскую пятину // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. Стб. 57–60.
5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: АН СССР, 1949.
6. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. *Конькова О. И.* Водь: Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.
8. *Конькова О. И.* Ижора: Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.
9. *Кюршунова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000.
11. Новгородские писцовые книги. Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина. СПб., 1859.
12. Новгородские писцовые книги. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Вторая половина. СПб., 1862.
13. Новгородские писцовые книги. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886.
14. Новгородские писцовые книги. Т. 5: Книги Шелонской пятины. СПб., 1905.
15. Новгородские писцовые книги. Т. 6: Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910.
16. *Петрова Р. Г.* Отрывок из Писцовой книги конца XV в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1979. М.: Наука, 1980. С. 238–275.
17. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. М.: Археографический центр, Древлехранилище, 1999.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М.: Наука, 1994.
21. *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований, 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
22. *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. СПб.: СПбГУ, 1997.
23. *Соболев А. И.* Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. №1 (18). С. 47–68.
24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 2.
25. *Фролов А. А.* Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородом Великим и Северо-Восточной Русью) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы конференции. Новгород, 1998. С. 80–81.
26. *Чечулин Н. Д.* Личные имена в писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах. СПб., 1890.